

М. Гершензон

Русские пропилеи

Том 6

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М11 **М. Гершензон**
Русские пропилеи: Том 6 / М. Гершензон – М.: Книга по Требованию, 2023. – 260 с.

ISBN 978-5-458-23599-0

Материалы по истории русской мысли и литературы. Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. Том содержит два раздела: 1: Публикация "Лицейской тетради" Пушкина и 2: Публикация записей Александра Николаевича Скрябина. Публикация подготовлена Сергеем Нестеровым.

ISBN 978-5-458-23599-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Лицейская тетрадь“, текстъ которой здѣсь печатается, представляетъ рукопись въ 163 нумерованныхъ страницы размѣромъ большаго почтоваго листа; семь сшитыхъ тетрадей бумаги образуютъ какъ бы книгу. Бумага очень плотная, шершавая; никакой обложки нѣтъ, — рукопись начинается прямо Оглавленіемъ. Писано все одной, и явно писарской рукой; чернила выцвѣли сильно, мѣстами текстъ выскобленъ и снова написанъ болѣе черными чернилами, но тѣмъ же почеркомъ, очевидно, на ходу письма; есть карандашные поправки другой руки; каждая пьеса, хотя бы состоящая изъ 4 стиховъ, начинается на новой страницѣ. На стр. 152-й, послѣ четверостишія Пушкина „Къ портрету Каверина“, написано карандашомъ (и слова эти очень стерты): *На д п и с ь к ѣ б е с ѣ д к ѣ*, — почеркомъ, который мнѣ кажется опредѣленно почеркомъ Пушкина. Тетрадь эта принадлежала А. В. Никитенко, а послѣ его смерти — его дочери С. А. Никитенко, и передана мнѣ ея душеприказчикомъ А. И. Старицкимъ. Съ выходомъ настоящей книги рукопись передается мною въ Рукописное отдѣленіе Румянцовскаго музея.

Какъ извѣстно, Лицейскихъ сборниковъ, подобныхъ нашему, сохранилось нѣсколько, цѣликомъ или въ отрывкахъ. Лучшій знатокъ Лицейскаго быта временъ Пушкина, К. Я. Гротъ, сообщаетъ: „Нѣкоторые воспитанники въ концѣ своего пребыванія въ Лицеѣ... составляли сборники своихъ стиховъ, т.-е. переписывали ихъ тщательно въ особыя тетради. Другими составлялись сборники изъ произведеній лучшихъ лицейскихъ поэтовъ — по выбору своему собственному или самихъ авторовъ“¹⁾. Изъ такихъ *смѣшанныхъ* сборниковъ извѣстны такъ называемая „Антологія“, Матюшкинская тетрадь, „Духъ лицейскихъ трубадуровъ“ и др. Весь уцѣлѣвшій матеріалъ былъ описанъ К. Я. Гротомъ въ 10-й книгѣ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ 1905 года.

¹⁾ „Пушкинскій Лицей“, СПб. 1911, стр. 139.

Нашъ сборникъ по составу и расположенію матеріала не совпадаетъ ни съ однимъ изъ сохранившихся или извѣстныхъ по описаніямъ. Намъ казалось вдвойнѣ цѣлесообразнымъ обнародовать полнотью текстъ этой тетради. До сихъ поръ ни одинъ Лицейскій сборникъ не былъ напечатанъ цѣликомъ и въ такомъ видѣ, какъ сохранился; между тѣмъ ничто въ такой степени не можетъ насъ ввести въ духъ и стиль Лицейской жизни и Лицейской поэзіи, какъ чтеніе подобнаго смѣшаннаго сборника, гдѣ стихотворенія Пушкина не выдѣлены особо, а перемежаются со стихотвореніями его товарищей словно въ дружномъ пятигласномъ хорѣ. Полнота и свѣжесть этого впечатлѣнія еще безконечно усиливается однимъ несравненнымъ достоинствомъ нашей рукописи: она содержитъ, повидимому *сплошь первую редакцію Лицейскихъ стихотвореній Пушкина*, такъ сказать, самый ранній пластъ его Лицейскаго творчества, еще безъ тѣхъ многочисленныхъ поправокъ, которыя онъ вносилъ въ эти пьесы вскорѣ послѣ ихъ написанія. Эта особенность сборника, поскольку она будетъ подтверждена спеціальными изысканіями, должна придать ему, въ отношеніи Лицейскихъ стихотвореній Пушкина, характеръ канона. Въ нашихъ изданіяхъ Пушкина текстъ его Лицейскихъ стихотвореній представляетъ картину вопіющаго редакторскаго произвола. Несмотря на то, что въ рукописяхъ самого поэта, или его товарищей, или писцовъ большое число этихъ пьесъ сохранилось въ первоначальной или, по крайней мѣрѣ, явно ранней редакціи, — ни разу не была сдѣлана попытка сопоставить въ рядъ эти одновременные тексты, чтобы представить *одинъ* хронологическій слой Пушкинскаго ранняго творчества; напротивъ, не только рядомъ печатались разновременныя редакціи разныхъ стихотвореній, но часто въ той же пьесѣ печатались рядомъ стихи или строфы разныхъ редакцій. Неправы были даже тѣ редакторы, которые считали нужнымъ воспроизводить текстъ Лицейскихъ стихотвореній, какъ онъ былъ переработанъ Пушкинымъ для изданія 1826 года: однимъ этимъ текстомъ нельзя ограничиваться. В. Я. Брюсовъ справедливо спрашивалъ по поводу 1-го тома Академическаго изданія: „Не гораздо ли важнѣе знать, что написалъ Пушкинъ 15—16 лѣтъ отъ роду, чѣмъ то, какъ онъ исправилъ эти, во всякомъ случаѣ, не лучшія свои произведенія въ пору разцвѣта своего дарованія?“ ¹⁾.

¹⁾ „Лицейскіе стихи Пушкина“, М. 1907, стр. 10—11.

Эти два соображенія, полагаю, достаточно оправдывают печатанье сборника въ „Русскихъ Пропилеяхъ“. Нѣтъ надобности говорить здѣсь о научной цѣнности его, — о многочисленныхъ неизвѣстныхъ ранѣе вариантахъ въ пьесахъ Пушкина, о подборѣ и вариантахъ Лицейскихъ стихотвореній Дельвига, Кюхельбекера, и т. п. Текстъ рукописи воспроизводится въ печати абсолютно точно, съ сохраненіемъ не только орѳографіи и пунктуаціи, мѣстами очень любопытной, но и всѣхъ описокъ и ошибокъ, изъ которыхъ одна сразу привлечетъ вниманіе читателей: подпись Пушкина въ текстѣ (также и въ Оглавленіи) подъ стихотвореніемъ Дельвига „На смерть Державина“. Ошибка эта тѣмъ болѣе странна, что въ самомъ стихотвореніи содержится обращеніе къ Пушкину. Но то же стихотвореніе *дважды* помѣщено въ сборникѣ ненапечатанныхъ *произведеній Пушкина*, предназначенныхъ для посмертнаго изданія его сочиненій, — сборникѣ, выправленномъ рукой Жуковскаго ¹⁾).

¹⁾ В. Е. Якушкинъ, „Рукописи А. С. Пушкина“ — „Рус. Стар.“ 1884 декабрь, стр. 576.

Б о в а.

(Отрывокъ изъ поэмы.)

Часто часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Еллинскія
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопшока
И не могъ понять премудраго.
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ,
Я хочу чтобъ меня поняли
Всѣ отъ мала до великаго
За Мильтономъ и Камозэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить:
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ Сатаною обитать въ раю
Иль Святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою.
Не бывалъ я грѣховодникомъ,
Но вчера въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катихизисъ остроумія,
Словомъ: Жанну Орлеанскую.

Лицейская тетрадь.

Прочиталь,—и въ восхищеніи
Про Бову пою Царевича.

О Вольтеръ, о мужъ единственный!
Ты котораго, во Франціи
Почитали Богомъ нѣкимъ
Въ Римѣ Дьяволомъ, Антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи!
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Пѣть я тоже вознамѣрился,
Но сравняюсь ли съ Радищевымъ?

Незапомню сколько лѣтъ спустя
Послѣ Рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомирѣ, сильномъ городѣ,
Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ Царя законнаго,
Бендокира Слабоумнаго.
(Такъ бывало вѣрноподданны
Величали Королей своихъ,
Есть ли Короли безпечные,
Не въ постелѣ и не ночною,
Почивали съ Камергерами)
Царь Додонъ не Слабоумнаго
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго,
Хотя впрочемъ не имѣлъ его.
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать:
Вы слышали, люди добрые,
О Царѣ, что дватцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,

Лицейская тетрадь.

И въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ Ангеломъ
Жизнь проводить въ униженіи
И забытый всѣми кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ...
Вотъ таковъ то былъ и Царь Додонъ.

Разъ собравъ бородачей совѣтъ
(:Безбородыхъ не любилъ Додонъ)
На престолъ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:
„Вы, которые совѣтами
„Облегчили тяжесть скипетра,
„Усладили участь Царскую
(:Не горька она была ему:)
„Мудрые друзья сподвижники!
„Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
„Что мнѣ дѣлать нынѣ?—слушайте.“

Всѣ привстали важно хмурясь,
Низко, низко поклонились
И, поправля усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовые.

„Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
„Что искусствомъ и неправдою
„Я достигъ престола шаткаго
„Бендокира Слабоумнаго,
„Сочетался съ Милитрисою
„Милой женкой Бендокировой
„И въ темницу посадилъ Бову,
„Принца крови, сына Царскаго.
„Легче, легче захватить было
„Слабоумнаго златой вѣнецъ,
„Чѣмъ надѣвъ вѣнецъ на голову,
„За собою удержать его.
„Вотъ уже народъ безсмысленный,
„Ходя въ праздники по улицамъ,
„Межъ собой не разъ говаривалъ:
„Дай Богъ помочь Королевичу,
„Вѣдь Бова уже ни маленькой,

Лицейская тетрадь.

„Не въ отца своей головушкой,
„Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,
„Онъ опасенъ моимъ замысламъ.
„Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ,
„Не оставить ли въ тюрьмѣ его?“

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ:
То-то право золотой совѣтъ
Не болтали здѣсь, а думали:
Арзаморъ, мужъ старый опытный,
Ротъ открылъ было (:совѣтовать
Знать хотѣлось посѣдѣлому)
Громко крикнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно,
Лѣкаръ славный, Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣваль,
Табакеркою поскрыпываль,
Но молчалъ, своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показываль.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею
Стражи трона, славны Рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобуръ, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думаль, думаль и нечаянно
Задремаль и захрапѣль въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ съдой,
И ко груди преклонились
Тихо головами буйными.
Глядь, съ Додономъ задремаль совѣтъ—
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать было совѣтникамъ,
Естьли бъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ

Лицейская тетрадь.

Табакерку на полъ выронить
Табакерка покатила
И о шпору вдругъ ударила
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе.
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу Рыцаря подъемлется,
И чихнулъ герой съ досадою,
Такъ что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожать и сыплются
И на петляхъ двери хлопаютъ...
Пробуждается собраніе!

„Что тутъ думать, закричалъ герой,
„Царь! Бова тебѣ ненадобенъ,
„Ну, и къ чорту Королевича!
„Рѣшено ему въ живыхъ не быть.
„Послѣ, братцы, вы разсудите,
„Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.“
Тѣмъ и кончилъ: храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

Ладно! мы тебя послушаемъ,
Царь промолвилъ протянувшись,
Завтра други мы увидимся
А теперь ступайте всѣ домой.

Оплошаль Додонъ отсрочкою:
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ,
Не откладывая до завтраго
Что сегодня можешь выполнить.
Разошлись всѣ придворные
Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася
Царь Додонъ въ постелю Царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился къ ней:
Въ эту ночь Его Величеству

Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково
Юпку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодъ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго
Свѣтозара, Пажу Царскаго:
Къ темной ночкѣ общался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная;
Нѣтъ, какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу! бьетъ полночь—что же Зоинька?
Видитъ—входятъ къ ней въ окошечко.
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ! со всѣмъ не то, читатели!
Видитъ тѣнь иль призракъ стараго
Вѣнценосца съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантии,
Опоясанный мочалкою
Видъ невинный, взоръ на выкатѣ,
Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинные ослиные
Надъ плечами громко хлопаютъ.
Зоя видитъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели!
Бендокира Слабоумнаго.

Трепетна смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шопотомъ,